

Наше оружие — слово

**ИЗ ИСТОРИИ
ГОСУДАРСТВА
РОССИЙСКОГО**

Сергей Ходосевич

**Из истории государства
Российского**

«Издательские решения»

Ходосевич С.

Из истории государства Российского / С. Ходосевич —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500509-0

«Наше оружие — слово» предлагает вниманию читателей сборник, посвященный самым разным периодам истории нашей необъятной России. Это документальные повествования, исторические очерки, а также художественные произведения в стихах и прозе.

ISBN 978-5-00-500509-0

© Ходосевич С.
© Издательские решения

Содержание

Анашкин Сергей	6
Сегодня мне приснился дед	7
Валеев Марат	9
Легенды озера Кабан	10
Большой красивый начальник	12
Как Куприн хотел Балаклаву республикой сделать	14
Названная сестра Астафьева	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Из истории государства Российского

Редактор Сергей Ходосевич

ISBN 978-5-0050-0509-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Наше оружие-слово предлагает вниманию читателей сборник, посвященный самым разным периодам истории нашей необъятной России. Это документальные повествования, исторические очерки, а также художественные произведения в стихах и прозе

Анашкин Сергей

Сегодня мне приснился дед

Как обидно умирать в конце войны
Как обидно умирать в конце войны,
Когда трава проклюнулась на волю,
А за плечами двадцать две весны
И смерть кругом разбросана по полю.
Да будь он проклят, немецкий городок!
Какое, к чёрту, дело до Европы?
Провоевав всего короткий срок,
Не хочется вставать со дна окопа.
А пулемёт плюёт огнём и косит
И злые птички копаются в пыли.
Вот и настала, видно в жизни осень-
Гранаты в ДЗОТ упрямо не легли.
Сползает солнце к дальнему закату,
А лет так мало осталось за спиной.
На амбразу русскому солдату,
Так трудно броситься родившейся весной...

Сегодня мне приснился дед..Как на том фото-такой же молодой, в лихо сдвинутой набок кубанке со звёздочкой, с едва заметной улыбкой. Я его никогда не видел, потому что он погиб в марте 1945-го, за четыре года до моего появления на свет. Но в моём сне он был живым, мне кажется я даже слышал его чуть глуховатый голос...

Дед сидел напротив меня за столом и рассказывал мне, своему внуку о довоенной жизни, о боях, о ребятах из своей разведки..А я, человек в возрасте, намного старше деда, проживший свою жизнь-сидел и слушал его рассказ, переживал вместе с ним, страдал от ранений и боли за погибших боевых товарищей, проклинал ту войну..

За тот год, что дед успел повоевать, было что вспомнить. Он рассказывал всю правду, не жалел меня-я должен был знать, пережить вместе с ним нелёгкие и кровавые дни той войны, что бы я смог передать это своим детям и внукам, что бы они помнили и не забывали какой ценой досталась победа нашему народу ради жизни будущих поколений.

Я подошёл к деду, обнял его и прошептал, слегка дрогнувшим голосом:

– Спасибо тебе дед, мы никогда не забудем войну.

Отчего то защипало в глазах и я проснулся... По щекам моим медленно катились две слезинки, хотя мужчины не плачут...

А дед погиб 1 марта 1945 года южнее немецкого города Франкфурта-на-Одере, повторив подвиг Александра Матросова-закрыв своим телом, своей жизнью немецкий дзот. Именем деда, Героя Советского Союза Юшкова Михаила Афанасьевича, названа улица в городе Красноярске.

Моя семья никогда не забудет ту войну...

Валеев Марат

Легенды озера Кабан

Не все татары бывали в Казани. Более того, большинство казанских татар живет не на своей исторической родине, как вот ваш покорный слуга – так распорядилась судьба. Но все татары знают про озеро Кабан и утопленные в нем ханские сокровища во время взятия Казани Иваном Грозным.

Мне про Кабан рассказывала моя мама, ей – бабушка, а бабушке – прабабушка. То есть эта история передается татарами из поколения в поколения, из уст в уста, и нет оснований не верить этому преданию. Интерес к древней легенде с годами только растет. Настолько, что вот буквально в эти дни в Казани идет съемка полнометражного художественного фильма «Сокровища озера Кабан». Но пока он не вышел на экраны, давайте рассмотрим самые распространенные легенды об этом озере.

Почему – Кабан?

«Когда-то на месте нынешней Казани расстились просторные болота, поросшие мощными зарослями высоких камышей. А те, в свою очередь, были скрыты дремучими лесными дебрями, полные дикими зверями. Первых людей на место будущей Казани привел, как гласит предание, святой старец по имени Касым-шейх.

Вокруг были лишь заросшие камышом и осокой болота, кустарник и непроходимая урема. И возроптали люди: «Зачем ты привел нас туда, где много комаров и нет чистой воды?»

И тогда святой старец, расстелив свой бешмет, помолился Аллаху, взялся за край бешмета и поволок его за собой. И там, где он протащил бешмет, возникло благодатное озеро с чистой и целебной водой. Позднее это озеро стали называть Кабан из-за несметных стад диких кабанов, обитавших в его окрестностях.»

Это одна легенда о происхождении названия озера Кабан.

А вот другая.

«Много веков назад, когда и слова «татары» еще не существовало, все татары назывались булгарами и жили в окрестностях славного и великого города Булгара. Но вот сюда пришел с несметным войском кровожадный завоеватель Аксак Тимур – Железный Хромой. Он взял город приступом. Жителей перебил, не пощадив ни женщин, ни стариков, ни младенцев, а имущество – разграбил. Спаслись удалось немногим. В их числе был и сын последнего болгарского хана Абдуллаха по имени Кабан. Поскольку он был беком, т. е. князем, его называли Кабанбек.

Спасаясь от преследователей, весь израненный, истекающий кровью Кабанбек бежал на север. Переправился через полноводную Чулман (Каму), пробирался через непроходимые леса, болота и топи. И, наконец, вышел на берег большого и прекрасного озера.

Омыл князь озерной водой раны, и они тут же зажили. Напился воды из озера, и у него прибавилось сил. А в сердце поселилась надежда на лучшее будущее и любовь к этому, тогда еще дикому краю.

Пришедшие с Кабанбеком люди стали вырубать лес, строить жилища, сеять хлеб, ловить рыбу, собирать мед диких пчел. И вскоре возле озера возник княжеский дворец, вокруг него раскинулось селение. А озеро по имени Кабанбека стало называться Кабаном.

Впоследствии город, основанный Кабанбеком, после покорения Казани опустился на дно озера вместе со всеми мечетями, златоверхим дворцом, садом и каменными постройками. И если в очень ясную и тихую погоду выплыть на середину озера, можно увидеть в глубине прекрасные строения и услышать азан – призыв к вечерней молитве – с подводного минарета».

Ханская казна

Вековые предания свидетельствуют: на дне казанского озера Кабан находятся несметные ханские сокровища, сокрытые от людских глаз слоем воды и донного ила. Незадолго до того

момента, когда войска Ивана Грозного подошли к стенам Казани, ханская казна была вывезена на озеро и затоплена в потаенном месте.

Чтобы найти его, согласно преданию, надо встать у ручья, впадавшего в Кабан неподалеку от истока Булака. Отмерить расстояние в один или два лучных выстрела (точнее никто не знает), найти приметное место на берегу. Затем взять ориентир на другое приметное место на противоположном берегу. И тут-то, на расстоянии в несколько связанных вожжей и находятся сокровища. Причем на такой глубине, чтобы, даже зная место, но не зная еще одного секрета, их невозможно было бы поднять.

По верным сведениям, казна состояла из трех частей. Во-первых, содержимое монетного двора: золотые и серебряные слитки, бруски из драгоценного металла и сами монеты. Во-вторых, денежная часть казны. Это были золотые и серебряные монеты самого разнообразного происхождения: турецкие, арабские, персидские, египетские, западно-европейские, русские...

И, наконец, – собственно сокровищница. Она складывалась из военной добычи, подарков и подношений ханам, изделий ювелиров. Были там и изумруды величиной с грецкий орех, и редчайшие восточные бриллианты, и кальяны из чистого золота, и много чего еще. Некоторые из особо ценных камней имели даже собственные имена и хранились в специальных футлярах и шкатулках.

Многие смельчаки пытались найти ханские сокровища, но все было бесполезно. Так они и покоятся на дне Кабана глубоко в иле, где даже рыбы их не видят...

Большой красивый начальник

Случилось это в сороковые годы прошлого века в тунгусском поселке Чиринда. Где-то далеко-далеко гремела война, а здесь, на границе тунгусской тайги и лесотундры, шла тихая размеренная жизнь. Эвенки месяцами пропадали в заснеженных лесах, на реках и озерах, добывая для нужд фронта пушнину, мясо дикого северного оленя, рыбу. Изредка появляясь в поселке, чтобы сдать трофеи и запастись необходимыми припасами для дальнейшего автономного существования в своих стойбищах и зимовьях, они тут же попадали в сферу массово-политического воздействия на их умы. Работу эту вели немногочисленные местные, а порой и заезжие агитаторы, пропагандисты, прочие политкультурмассовые работники.

Обычно население собирали в «красном чуме» (сиречь «красном уголке»), читали ему здесь сводки Совинформбюро, лекции, политинформации. «Красный чум» в Чиринде специального помещения не имел. Его разместили в бывшей церкви. Она была построена для обращенных в христианство тунгусов незадолго до революции из лиственничных бревен, которым, как известно, практически нет износу, и представляла собой еще довольно прочное и просторное помещение. Заведующим «красным чумом» назначили деятеля из местных кадров с пространенной здесь фамилией (ну, скажем, Ёлдогир) и несколькими классами образования. Впрочем, недостаток образования у Ёлдогира с лихвой компенсировался рвением и святой верой в неизбежную победу социализма, а там и коммунизма.

И вот накануне очередной, не то 25-й, не то-26-й годовщины Великого Октября, в октябре в Чиринду из Туры пришла радиограмма с распоряжением как можно лучше украсить «красный чум» всеми имеющимися средствами наглядной агитации, так как на празднование 7 ноября сюда первым же оленным обозом прибудут инструктор крайкома партии в сопровождении секретаря окружкома.

Парторг прочитал эту радиограмму «красночумовцу» Ёлдогиру, и с легким сердцем отправился объезжать близлежащие стойбища и зимовья с целью вытащить на торжественный митинг как можно больше промысловиков. Ёлдогир же с присущим ему рвением принялся украшать «красный чум» всеми имеющимися ресурсами. И когда 6 ноября в Чиринду втянулся, весь заснеженный, оленный обоз из Туры, Ёлдогир, приплясывая от нетерпения, потащил за рукав иззябшего и смертельно уставшего секретаря окружкома в «красный чум»: «Пойдем, бое, там тепло и очень красиво! Все сделал, однако, как ты велел!»

– Хорошо, хорошо! – благосклонно кивал постепенно оттаивающий секретарь, осматривая разукрашенные стены. – Молодец, постарался.

Но, подойдя ближе к сцене, впился глазами в самый яркий и большой портрет в золоченой раме, по бокам которого пристроились красочные картины поменьше и вовсе невзрачные картонки с фотографиями партийных вождей Ленина, Сталина, Маркса и стал медленно наливать краской.

– Ты где это взял, контра?! – наконец прохрипел секретарь, тыча пальцем в центр композиции.

– Которую? Вот эту? В чулане нашел, – весело сказал Ёлдогир. – Там еще много чего лежит. Только уже некуда вешать!

– Это тебя надо повесить! – заревел секретарь. – Ты хоть знаешь, кто это?

– Я думал, самый большой начальник, однако, – простодушно, и в то же время уже испуганно сказал Ёлдогир. – Вона какой красивый, медалей много. Тяжелый, еле-еле прибил к стене.

Секретарь и крайкомовский инструктор, похоже, окончательно лишились дара речи и молча пучили глаза на портрет «самого большого начальника» и его окружение. На них во всем своем великолепии отечески взирал император Всея Руси Николай II, рядом с которым пристроились еще какие-то царедворцы, золоченые церковные образа, непонятно как уцелев-

шие в этой глуши и теперь вот торжественно водруженные на стены «красного чума» в честь приближающейся годовщины Великого Октября...

Спрашивается, откуда все это здесь взялось? Когда на тунгусскую землю пришла советская власть, она устанавливалась здесь мягко, практически бесконфликтно. И вся присутствующая в Чиринде атрибутика царского времени (здесь нес свою службу волостной старшина из местных князьков) была просто собрана и спрятана в один из закутков церкви.

Десятилетия назад, когда портрет Николая II законно висел на своем месте, будущий «красночумовец» Ёлдогир был еще маленький и не видел его. А когда заканчивал «четырёхлетку», там портретов царя «не проходили». Так что ничего удивительного в том, что простодушный культработник принял императора за большого начальника и повесил его на главное место в «красном чуме», не было.

Но это для нас с вами. А вот руководство Эвенкии того времени так не считало. И вlepило Ёлдогиру строгий выговор с формулировкой «За политическую безграмотность и близорукость». Оказывается, он к тому же еще был и партийным! И это было еще одним чудом: в любом другом месте СССР любого другого партийного культработника за такое преступное простодушие просто бы сгноили в лагерях, а то и расстреляли. А Ёлдогир вот отделался выговором, что лишний раз свидетельствовало о бережном отношении советской власти к малочисленным коренным народам Севера...

Как Куприн хотел Балаклаву республикой сделать

В 2015-м году я – кстати, за всю свою уже немаленькую жизнь, – впервые побывал на вернушемся в Россию Крыме (нынче же, даст Бог, поеду туда уже в пятый раз!) и влюбился в него, можно сказать, с первого взгляда, так был очарован его сказочными видами, красивыми приморскими городами, самым Черным морем, вовсе не черным.

В Балаклаве после морской прогулки у нас разыгрался аппетит, и как только нашу группу туристов высадили с прогулочной яхты, мы тут же поспешили в одно из портовых кафешек, где я и отведал впервые самую настоящую жареную акулу. Правда, небольшую, катран называется. После ужина, уже в ночь вышли на неярко освещенную набережную. И вот тут-то я и увидел памятник Александру Куприну.

Александр Иванович, задумавшийся и устремивший свой взор на бухту, стоял на брусчатке, коей были вымощены улицы Балаклавы еще тех лет. Куприн, тоже как будто только вышедший из кафе и остановившийся на минутку на набережной, был здесь такой свойский, не забронзовевший, несмотря на материал, из которого был отлит, что я не удержался и во время фотографирования с любимым писателем (в молодости читал его запоем) чуточку приобнял. И Александр Иванович простил мне такую вольность, поскольку и сам в это время обнял меня...

Конечно же, позже я обшарил интернет в поисках сведений, относящихся к времени пребывания Куприна в Балаклаве. И о, слава тебе, всезнающая сеть! – уже через несколько минут выведаль то, что постараюсь изложить здесь в сжатом виде.

Александр Иванович впервые посетил Балаклаву в сентябре 1904 года. Сюда он приехал из Петербурга, будучи заинтригованный рассказами об этом портовом городке знакомого крымского грека Денакса. Куприн, кстати, давно уже мечтал переехать из сырого, холодного Петербурга куда-нибудь на юг, желательно на морское побережье. И вот выбор его пал на Балаклаву.

Пожив некоторое время в гостинице, писатель переезжает на Третью улицу, на дачу Ремезова (ныне это ул. Куприна, дом №1). Стараясь сблизиться с местным населением, Куприн неоднократно выходит с рыбаками в море, учится их непростому ремеслу и его, в конце концов, принимают в рыбацкую артель!

И однажды случилось то, что случилось: Куприн настолько пропитывается бесшабашностью, независимостью балаклавских рыбаков, что как-то, будучи подшофе после удачного лова, отправился с компанией своих товарищей из таверны напрямиком на телеграф. И оттуда на имя российского императора была отправлена знаменитая дерзкая телеграмма: «Балаклава объявляет себя свободной республикой греческих рыбаковъ. Куприн».

Ответ пришёл практически тут же, но не от Николая II, а от премьер-министра царского правительства: «Когда пьешь – закусывай. Столыпин».

Конечно же, Александр Иванович в этой сумбурной круговерти балаклавской жизни не забывал о главном своем предназначении – литературе. Здесь он создал серию пронзительных, достоверных очерков «Листригоны», точно описывающих тяжелую работу и жизнь настоящих морских рыбаков. Это реальные люди, черноморские греки Юра Паратино, Христо Амбарзаки, Ваня Андруцаки, Коля Констанди и другие, годами рыбакавшие в Черном море и принявшие в свое brutальное братство ни черта не боящегося и ставшего своим в доску столичного интеллигента.

Собираясь обосноваться в Балаклаве всерьез и надолго, Куприн даже приобретает участок земли в балке Кефало-Врис. Он уже составил и план дома и сада, раздобыл саженцы плодовых деревьев, уже и нанятые им рабочие готовы были приступить к работам в имении Куприна «Кефало-Вриси», но...

15 ноября 1905 года писатель становится свидетелем жестокой расправы над революционным крейсером «Очаков». В шоке от происшедшего, Куприн пишет очерк «События в Севастополе», в котором осуждает расстрел и сожжение мятежного боевого корабля с сотнями матросов на борту. Он же принимает самое активное участие в сокрытии десяти матросов с «Очакова», спасшихся в Балаклаве: достаёт им гражданскую одежду и уводит на виноградники композитора П. И. Бларамбаерга (эти события впоследствии были описаны Куприным в рассказе «Гусеница»).

Адмирал Чужнин, обвиненный Куприным в убийстве очаковцев в газете «Наша жизнь», в гневе приказывает в течение одних суток выслать писателя из Севастопольского градоначальства, к которому относится Балаклава. Вынужденный подчиниться – за ним приходит полицейский пристав, – Куприн с большим сожалением покидает любившийся ему город.

Он не хочет мириться с решением властей и спустя несколько месяцев возвращается в Балаклаву. Но предпринимает попытку снова обосноваться в Балаклаве, его вновь немедленно выселяют из городка. Александру Ивановичу лишь благодаря взятке удаётся задержаться на два часа. Он наскоро обедает в плавучем кафе «Гранд-отеля», эту трапезу Куприн описывает в ироничном стихотворении «В Балаклаву – точно в щёлку в середине сентября...».

Писатель вынужден снова покинуть Балаклаву, как оказывается, уже навсегда.

Но балаклавцы о нем не забыли. В 1994 году балаклавская библиотека №21, что на набережной, была названа библиотекой им. А. И. Куприна. Спустя шесть лет в самом начале улицы Куприна в его честь была открыта мемориальная доска.

А в мае 2009 года и сам Александр Иванович вернулся в любимый город, правда, уже в виде памятника. И навсегда застыл на том месте, где он любил прогуливаться 113 лет назад.

Названная сестра Астафьева

Среди множества людей, которых за свою большую жизнь знал великий русский писатель Астафьев, есть один человек, к которому Виктор Петрович относился с особой нежностью. Это простая учительница начальных классов Галина Георгиевна Суевалова из далекого эвенкийского поселка Тура.

«А ты кто такая?..»

Она была его одноклассницей и подругой по Игарскому детскому дому, где судьба свела их, совсем еще детей, но с уже изломанными судьбами. И перед самой войной разлучила потом на долгие сорок шесть лет.

– Он называл меня сестренкой, – с гордостью рассказывает Галина Георгиевна. – Заступался за меня, если кто пытался обидеть. А я была отличницей и помогала ему подтянуться по многим предметам.

Да, будущий знаменитый писатель не отличался большими успехами в учебе. Как, впрочем, и большинство пацанов Игарского детского дома. Их, обездоленных, хулиганистых, в голодное предвоенное время занимали совсем другие заботы: как бы где-нибудь разжиться «жратухой» да куревом. А еще дать отпор городским, обидно обзывающих воспитанников сиротского дома голодранцами да голодной «семинарией». Хотя, если честно, Игарка вдоволь натерпелась в ту пору от беспокойных «квартирантов»: они и украсть могли, и поджечь, а то и ограбить. За что и пользовались нелюбовью горожан.

А появился он в детдоме следующим образом. Было это где-то в 1937 году. Галя Ус (девичья фамилия нашей героини) стояла с группой подружек на крыльце интерната, когда к ним приблизился взъерошенный, весь оборванный и исхудалый паренек лет двенадцати-тринадцати.

– Ой, хлопчик, а шо ж ты такой грязнучий? – жалостливо протянула Галина, еще не потерявшая свой певучий украинский говор, хотя оторвана была от родной земли в возрасте трех или четырех лет (почему «или» – чуть позже).

– А ты кто такая, чтобы спрашивать? – сердито спросил в свою очередь пришелец и независимо цыкнул зубом. Девчонки пошли и сказали мальчишкам, что вот явился там какой-то забиячистый парнишка, явно чего-то хочет. Пацаны тут же высыпали на крыльцо. И быстро разобрались, что к чему. Оказалось, что зовут парнишку Витькой Астафьевым, и ему некуда податься.

«Свой» – решили пацаны. И повели его к директору Василию Ивановичу Соколову. А уж у него бирюковатый с виду парнишка немного оттаял ожесточенным сердчишком и рассказал свою незамысловатую по тем временам, но очень горькую историю.

Рос себе Витька Астафьев в родной деревеньке Овсянка на берегу холодного и быстрого Енисея, как мог помогал родителям их не очень дружного, но шумного семейства вести небогатое хозяйство. Но больше пропадал в окрестной тайге, рыбачил на Енисее и был по-своему счастлив. Пока не посыпались на них несчастья – одно за другим. Раскулачили и отправили на Север, строить Игарский порт, деда, промышлявшего мельничным делом. Арестовали отца, приписав ему вредительство. Утонула в Енисее мама, когда везла на лодке передачу отцу в Красноярскую тюрьму. А когда отец отсидел свой небольшой срок, то женился заново и в 1935 году повез свою семью – жену и совместных детей, – в Игарку, за «большими деньгами».

Здесь Виктор пошел в первый класс. А отец однажды сильно простыл на рыбалке, тяжело заболел и надолго угодил в больницу. Мачехе, едва сводящей концы с концами, было уже не до пасынка. Он бродяжничал, жил где попало, пока не оказался у дверей детского дома.

Выслушав его историю, директор оставил парнишку. Так Витька Астафьев влился в большую и дружную сиротскую коммуны. И первым, в ком он нашел родственную душу, кому доверял больше всех, оказалась Галина Ус. Их судьбы были схожи. Правда, Галя осиротела много раньше своего нового приятеля.

Одна, совсем одна...

– Отца я вовсе не помнила, а мама осталась в моей памяти высокой стройной женщиной, с длинными косами. А вот лица я ее не запомнила, – печально рассказывает Галина Георгиевна. Мы сидим в одной из четырех комнат ее уютного, теплого, но совершенно пустого дома – все дети уже давно живут самостоятельно, некоторые уже дождалась внуков. Галина же Георгиевна человек, привыкший к самостоятельности и независимости – так ее воспитала суровая жизнь, – предпочитает быть ни для кого обузой и живет одна. А тогда она была совсем малышкой, и мама ее заболела и умерла в товарном вагоне эшелона, который вез высланных из Украины в Сибирь членов семей врагов народа. Таким «врагом» оказался и ее отец, которого она вообще не запомнила, потому как его арестовали до той поры, когда Галя начала что-то осмысливать и откладывать в свою совсем еще куцую, почти младенческую память.

– Маму сняли с поезда и похоронили где-то в районе станции Зима – именно это название я запомнила, – продолжает свой печальный рассказ Галина Георгиевна.. – А я каким-то образом оказалась в цыганском таборе. Я очень смутно помню, что ехали с нами в вагоне эти горластые, темноволосые люди. И когда мою умершую маму выгрузили из эшелона, никого, видимо, не нашлось кроме них, кто бы взял на себя ответственность за неожиданно образовавшуюся в вагоне сироту в моем лице. И это они же, скорее всего, от общения с мамой, когда она была еще жива, сохранили для меня мои имя и фамилию. Во всяком случае, сколько с тех пор помнила себя, так и звалась – Галя Ус...

Девочка пробыла с этими добросердечными цыганами несколько месяцев. Следующие отчетливые кадры, сохранившиеся в ее памяти: ее оставляют в милиции. Милиционеры передают ее в детский приемник. А оттуда Галя Ус попадает в Красноярский детский дом.

Здесь Галя содержалась несколько лет: училась в школе, потихоньку росла. Как-то она услышала разговор тетенок-уборщиц, когда они, жалостливо поглядывая на худую девчонку с голодными глазами, почти шепотом говорили:

– Вот и ейный родитель, поди, в Игарке мается. А она, сердешная, тучочки голодает. Уж и не свидятся, пожалуй, боле. И сколько же таких, упаси боже!

Галя уже и до этого слышала название этого проклятого места, куда почему-то увозили родителей многих детей, и оно запало ей, что называется, в душу. И когда девчужке исполнилось девять лет, и детский дом надоел ей до чертиков, Галя решила отправиться в эту загадочную Игарку, где, как она думала, томился ее отец.

Улучив момент, она сбежала из детдома и добралась до речного порта. Здесь она пораспрашивала людей, какой из пароходов отправляется на Игарку, пробралась на его борт. Безбилетную пассажирку обнаружили, хотели ссадить на берег. Но она подняла такой рев: дескать, от мамки отстала, она на другом пароходе уплыла и теперь убивается там без дочери, и ее в конце концов оставили. Так Галя оказалась в Игарке.

Отца она здесь, конечно, не нашла. И так как деваться ей в незнакомом городе было некуда, в скором времени оказалась в детском доме. Куда позже попал и Виктор Астафьев.

Как Галя подтягивала Астафьева

– Мы сдружились-то не сразу, – продолжает Галина Георгиевна. – Витька – он был ведь какой-то поначалу нелюдимый. Всех сторонился, всегда ходил с какой-нибудь книжкой в руках или за поясом. На уроках читал, в столовой читал, в красном уголке читал. Само собой, все, что рассказывали учителя, пропускал мимо ушей. А когда вызывали к доске, часто не мог

ответить. Ну и его оставили на второй год в пятом классе. Вот здесь мы и стали с ним одно-классниками.

Отличница Галя не могла позволить себе, чтобы понравившийся ей парнишка был отстающим. И она с благословения классного руководителя взяла над Виктором шефство. И стала постепенно подтягивать его по математике, русскому языку – да-да, у будущего знаменитого писателя были существенные проблемы с этим предметом. Зато по литературе Астафьев сам мог подтянуть кого хочешь: быстро перечитав все интересующие его книги в небогатой детдомовской библиотеке, он при поручительстве директора детдома записался в городскую, где выбор был уже намного побогаче.

– Непросто было с Витькой: он ведь продолжал оставаться парнем очень ершистым и независимым, часто сбегал с уроков, от меня, – улыбается Галина Георгиевна. – А сбегал-то куда, оказывается: в лес или на Енисей! Он же вырос в таежной местности, на реке, и очень тосковал по природе. А в Игарке до леса надо было еще добраться – здесь же кругом тундра. И вот возвращается потом, на следующий день, просветленный такой, послушный. И мы снова начинали с ним зубрить уроки.

Настойчивое шефство Галины не прошло даром: пятый класс Виктор Астафьев закончил лишь с одной тройкой. Правда, все по нему же, по русскому языку. Наверное, это господь распорядился так, чтобы он уже потом, спустя многие годы смог с лихвой вернуть свой долг перед «великим и могучим» в виде своих замечательных и неповторимых произведениях, так обогативших русскую литературу. В том числе и повесть «Кража», в которой Астафьев подробно расписал свою детдомовскую жизнь и жизнь своих сверстников в Игарке, все те опасные приключения, порой заканчивающиеся для пацанов весьма драматично.

Галя Ус и Витька Астафьев рассталась в 1940 году – шестнадцатилетним парнем он вернулся в родную Овсянку, где от родного гнезда уже почти ничего не осталось. А Галя продолжала жить и учиться в Игарке..

Судьба-судьбинушка

Как же складывались их судьбы в последующие годы? Про жизнь Виктора Астафьева известно все или почти все – из его автобиографических произведений, из воспоминаний о нем знавших его людей.

Ну а Галя Ус, когда началась война, сбежала со своей подругой Лизой Дмитриевой из детдома (его к тому времени перевели в Енисейск), чтобы попасть на фронт и быть там санитаркой. Они пробрались в порту на пароход, и довольные собой, поплыли на нем, как они думали, в Красноярск. А отчалившее судно пошло совсем в противоположную сторону, на север. Так девчонки, сами того не желая, вновь оказались в городе своего сиротского детства. Вот только податься им в Игарке было некуда: детдома-то здесь уже не было.

Они догадались прийти в райком комсомол, где честно все рассказали – кто они такие, откуда. Девчонок пожурили и дали направление в Игарское педагогическое училище, где как раз шел набор. Закончили они его в 1944 году, и Галя получила направление на работу в Эвенкию. Илимпейский роно направил свежеиспеченную выпускницу в Тутончанскую начальную школу. Ей дали сразу два класса.

Жила Галина в школе, после занятий бегала в клуб. Девушкой она была бойкой, энергичной, на нее навалили массу поручений: и комсоргом-то она стала, и библиотекой заведовала, и по профсоюзной линии заворачивала. Ее заметил молодой заготовитель Василий Суевалов, молодой заготовитель пушнины. Они закрутили любовь и поженились.

Галя была уже беременной, когда Василия перевели в окружной центр, в Илимпейский райком комсомола. В Туре молодая семья поселилась в каком-то сарае. Василий прорубил в стене несколько окон, утеплил помещение, заготовил дров – и квартирка была готова.

В Туринской школе Галя вела младшие классы, затем ей поручили преподавать русский язык и литературу еще и в вечерней школе. Сюда же она погнала и Василия – у мужа всего образования было только семь классов. И очень правильно сделала: после получения аттестата Василий Иванович Суевалов был направлен в высшую партийную школу, после окончания которой многие годы возглавлял Эвенкийский окрисполком.

Ну а Галина Георгиевна с годами стала замечательной учительницей. Побывшие на одном из ее уроков инспекторы из Министерства просвещения РСФСР сказали потом директору школы: «Эта девочка – настоящий самородок. Надо направить ее учиться дальше, в университет». А услышав в ответ: «У этой девочки уже четверо дочерей», – не поверили. Но так оно и было.

Конечно же, она тогда никуда не смогла поехать учиться – в это время в партшколе учился ее муж. Но все же Галина Георгиевна затем окончила годичные курсы в Ленинградском пединституте им. Герцена, и с новыми знаниями и силами продолжила работу в Туринской начальной школе. Ей присвоили звания – сначала «Отличник образования», потом «Заслуженный работник просвещения РСФСР», награждали медалями, вручили в общей сложности более шестидесяти грамот. Но она не зазнавалась, не переоценивала себя, а продолжала оставаться такой же: добросовестной, требовательной к ученикам и себе. Учила их, училась и сама, год от года совершенствуя свои навыки и способности. О ней написали даже в «Известиях».

«Так этот писатель – он, Витька Астафьев?»

В те годы в Туру часто приезжали лекторы. И вот однажды, в 1985 году, Галина Георгиевна услышала в рассказе приехавшей из Красноярска лектора-женщины знакомое имя: Виктор Петрович Астафьев. Лектор назвала его уже сложившимся большим писателем, произведения которого включают в учебники для младших классов. «Надо же – полный тезка нашему Витьке!» – улыбнулась тогда Галина Георгиевна, тут же вспомнив своего вихрастого, хулиганистого подопечного по Игарскому детскому дому.

Затем лектор добавила, что у писателя этого – красноярские корни, родился он в Овсянке, претерпел много бед испытаний, в том числе годы жизни в Игарском детском доме. И тут сердце Галины Георгиевны ухнуло и куда-то провалилось: «Это он, Витька! Боже мой, живой, да еще и писатель... Нет, не зря он так много тогда читал. Какой же молодец!».

Галина Георгиевна рассказала лекторше невероятную историю своего знакомства и дружбы с Виктором Астафьевым, и та, вернувшись в Красноярск, разузнала адрес писателя и выслала его в Туру.

И Г. Г. Суевалова, не медля, написала ему письмо. О том, как сложилась ее жизнь после детдома, расспрашивала самого Виктора Петровича, как он жил все эти годы. Астафьев тут же ответил. Они и созванивались, и переписывались. Но все это не могло заменить личной встречи. И вскоре в Туру пришла телеграмма от Астафьева: «Встречай».

Встреча через десятилетия

– Я в тот день, а было это 25 июня 1986 года, места себе не находила, – рассказывает с увлажнившимися от волнения глазами Галина Георгиевна. – Все валялось у меня из рук, все думала: какой он стал, Витька, признает ли он меня?

Хорошо, дочери набежали, все сделали по дому как надо: и прибрались, и стол накрыли.

...Их, застывших в объятиях, обступили родственники, еще какие-то люди, а они, не замечая никого вокруг, плакали навзрыд, что-то бессвязно говорили друг другу...

А потом было еще много разговоров. Виктор Петрович приехал в Туру на целый месяц вместе со своей женой Марией Семеновной Корякиной: чтобы можно было и вдоволь пообщаться с подругой интернатского детства, и отдохнуть. Их сопровождал известный эвенкийский писатель Алитет Немтушкин, к которому В. П. Астафьев питал самые теплые чувства.

Они за этот месяц несколько раз выезжали на рыбалку на знаменитые эвенкийские водоемы (затем впечатления от этой поездки легли в основу знаменитого астафьевского очерка «Вечно живи, речка Виви!»). Писатель также провел ряд читательских встреч в учебных заведениях, производственных коллективах Туры. И конечно, в промежутках между всеми этими делами он общался со своей «сестренкой», подарил ей несколько своих последних книг с дарственными надписями, именуя себя в автографах «детдомовским братом» Галины Ус.

– Ишь, как ты шикарно живешь! – удивлялся Астафьев, расхаживая по четырехкомнатной, обставленной импортной мебелью квартире Суеваловых. – Прямо как королева! А вот я победней тебя буду. Да вот приедешь ко мне, сама увидишь.

При этом писателя ничуть не смущало, что «удобства» жилища председателя окрисполкома находятся, как и у подавляющего большинства туринцев, во дворе. Его вообще трудно было чем-либо удивить, потому что, плоть от плоти своего народа, за свою жизнь он видел и прошел такое, что иному и в кошмарном сне может не привидеться.

Но однажды он все-таки удивился, или, скорее, разочаровался. Когда узнал, что Галина Георгиевна является членом партии (отношение писателя ко всему советскому, ну или во всяком случае, к тому, что затем было обозначено обидным словом «совок», широко известно).

– Ну и дурочка! – безапелляционно заявил Виктор Петрович, когда они остались одни – при Василии Ивановиче Суевалове, убежденном коммунисте, он такие разговоры старался не заводить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.